

О. И. Тогоева

ORCID: 0000-0001-7854-3222

✉ togoeva@yandex.ru

*Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)*

ДЬЯВОЛ ИЛИ ВЕРВОЛЬФ? МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ XV–XVI вв.

Аннотация. В статье анализируются особенности трактата «Оправдание герцога Бургундского» Жана Пти (1408 г.), где обосновывалось право Жана Бесстрашного на убийство его двоюродного брата Людовика Орлеанского. Автор статьи обращает особое внимание на обвинение в занятиях колдовством, которое, по мнению Жана Пти, превратило герцога Орлеанского в тирана и дьявола и основывалось, по всей видимости, на тексте «Поликратика» Иоанна Солсберийского (1159 г.). Анализ содержания и иконографической программы «Оправдания» также позволяет автору высказать предположение, что этот трактат положил начало совершенно новому восприятию волка-оборотня во французской, если не во всей европейской, демонологической литературе XV–XVI вв. — как опасного вервольфа, т. е. как человека, которого склонность к занятиям колдовством не просто привели в лапы дьявола, но превратили в зверя, представляющего угрозу для всей общины истинных христиан. Таким образом, политико-правовой трактат Жана Пти, как его всегда рассматривали в историографии, вместе с тем приобретает черты демонологического сочинения.

Ключевые слова: Франция, позднее Средневековье, ликантропия, демонология, дьявол, Людовик Орлеанский, Жан Бесстрашный, «Оправдание герцога Бургундского» Жана Пти, «Поликратик» Иоанна Солсберийского

Для цитирования: Тогоева О. И. Дьявол или вервольф? Мотив оборотничества во французской демонологии XV–XVI вв. // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 10–28. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-10-28>.

*Статья поступила в редакцию 16 мая 2022 г.
Принято к печати 22 июня 2022 г.*

O. I. Togoëva

ORCID: 0000-0001-7854-3222

✉ togoëva@yandex.ru

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

DEVIL OR WEREWOLF? THE MOTIF OF LYCANTHROPY IN FRENCH DEMONOLOGY OF THE 15TH–16TH CENTURIES

Abstract. The article analyzes the features of the treatise “Justification of John the Fearless, Duke of Burgundy” by Jean Petit (1408), which argued for the right of John the Fearless to murder his cousin Louis of Orleans. The author of the article pays special attention to the accusation of practicing witchcraft, which, according to Petit, turned the Duke of Orleans into a tyrant and a devil and was based, apparently, on the text of the “Policraticus” of John of Salisbury (1159). Analysis of the content and the iconographic program of the “Justification” also allows the author to hypothesize that this treatise marked the beginning of a completely new perception of the lycanthrope in French, and perhaps in all European demonological literature of the 15th–16th centuries: as a dangerous werewolf, that is, as a person whose penchant for practicing witchcraft did not simply lead him into the clutches of the devil, but turned him into a beast that posed a threat to the entire community of true Christians. Thus, the political and legal treatise of Jean Petit, as it has always been considered in historiography, acquired at the same time the features of a demonological text.

Keywords: France, the Late Middle Ages, lycanthropy, demonology, the devil, Louis of Orleans, John the Fearless, “Justification of the Duke of Burgundy” by Jean Petit, “Policraticus” by John of Salisbury

To cite this article: Togoëva, O. I. (2023). Devil or werewolf? The motif of lycanthropy in French demonology of the 15th–16th centuries. *Shagi / Steps*, 9(1), 10–28. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-10-28>.

Received May 16, 2022

Accepted June 22, 2022

Двадцать третьего ноября 1407 г. в Париже произошло ужасное событие: группа неизвестных лиц поздно вечером атаковала кортеж Людовика Орлеанского, родного брата французского короля Карла VI. Герцог погиб на месте: ему проломили голову, отрубили левую кисть и сломали правую руку¹. Столь жестокое преступление, к тому же совершенное в отношении принца крови, не могло остаться незамеченным, уголовное расследование по нему началось в тот же день, и уже 25 ноября прево столицы Гийом де Тиньонвиль был вызван на заседание королевского совета. Однако еще до того, как чиновник приступил к докладу, Жан Бесстрашный, герцог Бургундский, отозвал в сторону своих дядьев Людовика Анжуйского и Жана Беррийского и признался им в том, что именно он «по наущению дьявола» приказал убить Людовика Орлеанского². На следующий день, не дожидаясь нового заседания королевского совета, Жан покинул Париж и укрылся в своих владениях во Фландрии³.

Новость о том, что герцог Бургундский оказался заказчиком убийства своего двоюродного брата, мгновенно облетела Париж⁴. Она показалась горожанам абсолютно невероятной, поскольку многие из них знали, что долгое время враждовавшие друг с другом принцы буквально накануне торжественно помирились, поклявшись в «искренней любви и братской дружбе» (*bon amour et fraternité*), и скрепили договор совместным обедом у Жана Беррийского в Нельском замке [Coville 1974: 384–387].

Однако в словах самого герцога Бургундского никто, по всей видимости, не сомневался, а потому именно против него был подан судебный иск, с которым вдова Людовика Орлеанского Валентина Висконти обратилась к Карлу VI, добываясь от него обещания примерно наказать убийцу мужа [Guenée 1992: 185, 203–208]. Тем не менее данное обещание осталось невыполненным: 8 марта 1408 г. в присутствии наследника престола, членов королевской семьи и придворных Жан Пти, доктор теологии, профессор Парижского университета и советник Жана Бесстрашного⁵, огласил составленное им «Оправдание герцога Бургундского», в котором обвинил Людовика Орлеанского в тирании и намерении завладеть французским престолом⁶.

¹ «...navré [de] plusieurs plaies, c'est assavoir de deux plaies en la teste, l'une prenant de l'oeil] senestre et alant jusques audessus de l'oreille destre et l'autre prenant de l'oreille senestre et alant jusques près de l'autre oreille. Lesquelles plaies estoient telles et si énormes que le test estoit tout fendu et que toute la cervelle en sailloit. Item que son poing senestre estoit couppe tout hors du bras entre le pousse et la première jointe du bras. Item que son bras destre estoit rompu tant que le maistre os sailloit dehors au droit du coude, ouquel bras avoit avecques ce une grant plaie» [Enquête de prévôt de Paris 1865: 217].

² «Et adonc, le duc Jehan de Bourgogne (...) eut doubtaunce et crainte, et pour ce, tira il à part le roy Loys et le duc de Berry, son oncle, et en brief leur confessa et dist que par l'introduction du dyable il avoit fait faire cet homicide par Raoulet d'Actonville et ses complices» [Monstrelet 1890: 162].

³ Подробнее об обстоятельствах убийства Людовика Орлеанского см.: [Schnerb 1988: 15–97; Guenée 1992: 202–210; Тогоева 2022].

⁴ «Ce jour, a esté dit et publié de plusieurs que le duc de Bourgoigne... disoit et maintenoit qu'il avoit fait occire le duc d'Orleans, son cousin germain, par Rolet d'Auquetonville et autres, et sur ce s'est au jour d'ui parti de Paris» [Journal de Nicolas de Baye 1885: 208].

⁵ Так Жан Пти описал себя в заключительных строках «Оправдания»: «...la Justification du duc de Bourgogne, conte de flandres, d'arthetais et de bourgogne sur le fait de la mort du duc d'orleans proposee publiquement par la bouche de maistre jehan [le petit] docteur en theologie et conseiller du dit duc de bourgogne en l'ostel de saint paul» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 78).

⁶ О подготовке этого заседания см. подробнее: [Coville 1911: 61–63].

В действительности, как известно, существовало три различных документа, извиняющих действия Жана Бесстрашного. Первый из них был составлен Симоном де Со, канцлером герцога, уже в декабре 1407 г. и тогда же зачитан им в Генте, где собрались члены семьи и приближенные герцога. До нас этот текст, к сожалению, не дошел, однако, возможно, он послужил основой для второго варианта «Оправдания».

Еще один текст, также не дошедший до наших дней, писался уже группой авторов, в которую, помимо Симона де Со, входили Жан Пти, Андре Котен, Николая де Савиньи, Пьер де Мариньи и Гийом Эври — советники Жана Бесстрашного. В первой половине января 1408 г. их совместное заявление было заслушано в Амьене на встрече герцога с его дядями Людовиком Анжуйским и Жаном Беррийским, согласившимися стать посредниками между ним и королевской семьей. По мнению Альфреда Ковиля, главным автором этого сочинения являлся Жан Пти, а потому именно ему Жан Бесстрашный поручил создание последнего, третьего «Оправдания», которое и было зачитано во дворце Сен-Поль в Париже⁷.

Трактат Жана Пти получил огромную известность: до нас дошло 15 его рукописей⁸, две из которых являлись парадными и были, по всей видимости, заказаны герцогом Бургундским для себя лично и для членов его семьи [Coville 1911: 72–77]⁹. И хотя полный текст «Оправдания» до сих пор остается неизданным, историки обращаются к нему регулярно, исследуя предложенные в нем политико-правовые обоснования убийства герцога Орлеанского, среди которых прежде всего выделяют его склонность к тираническому управлению страной, т. е. попытку полного отстранения Карла VI от власти¹⁰.

Истоки этих идей специалисты предлагают искать в самых различных сочинениях более раннего периода. Так, Люси Жоливе обратила внимание на трактат Колуччо Салютати «О тиране», написанный в 1400 г. и получивший известность не только у итальянских, но и у французских гуманистов [Jollivet 2018: 92]. Алан Маршандис высказывал предположение о сильном влиянии на Жана Пти «Хроники» Жана Фруассара [Marchandisse 2008: 88]. Наконец, Бернар Гене, наиболее подробно изучивший вопрос заимствований, настаивал, что в определении тирании — безусловно, главной темы всего трактата — легко различимы следы влияния Аристотеля, Григория Великого и Бартоло да Сассоферрато [Guenée 1992: 192–194].

⁷ Альфред Ковиль высказывал предположение, что третье «Оправдание» могло и не являться оригинальным произведением, но было идентично амьенскому варианту. Однако установить связь между этими двумя текстами не удастся в связи с утратой одного из них [Coville 1911: 58–61].

⁸ Полный список рукописей «Оправдания герцога Бургундского» см. на сайте Les Archives de littérature du Moyen Age (URL: https://www.arlima.net/il/jean_petit.html#jus).

⁹ Одна из рукописей хранится ныне в Национальной библиотеке Франции (BNF. Ms. fr. 5733), вторая — в Австрийской национальной библиотеке (Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657). Обе датируются 1408 годом.

¹⁰ «...et ainsy fu tirant et desloyal a son prince et souverain seigneur et a la chose publique du dit royaume» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 70v). Подробнее о политическом содержании «Оправдания» Жана Пти см.: [Coville 1911: 84–89; Guenée 1992: 190–199; Gorzolla 2019: 129–135, 375–381; Тогоева 2022].

Интересно, что вне внимания исследователей до сих пор оставался один из важнейших для Жана Пти авторитетов — Иоанн Солсберийский, который был не только назван в «Оправдании» по имени: здесь приводилась обширная цитата из «Поликратика» (1159 г.), касавшаяся убийства тирана и законности подобного насильственного акта¹¹. И хотя, как справедливо отмечала Фредерика Лашо, в трудах авторов эпохи позднего Средневековья, уже знакомых с «Политикой» Аристотеля, достаточно сложно вычлениить идеи их европейских предшественников, рассуждавших о тирании [Lachaud 2014: 408–410], многие положения Жана Пти позволяют, на мой взгляд, с уверенностью утверждать, что именно «Поликратик» оказал на советника герцога Бургундского самое серьезное влияние.

Тесная связь между двумя трактатами заметна прежде всего по тому, какое внимание в «Оправдании» уделялось проблеме распущенности и разврата, царящих обычно при дворе правителя. Именно похоть Жан Пти объявлял первой причиной любого зла¹², именно она, с его точки зрения, подталкивала человека к отказу от истинной католической веры и заставляла предаваться запретным магическим практикам¹³. Вместе же похоть и склонность к занятиям колдовством вели к узурпации власти¹⁴. К идентичному выводу приходил в свое время и Иоанн Солсберийский: в «Поликратике» похоть также увязывалась с колдовством¹⁵, а кроме того — с завистью, которая в конце концов превращала человека в тирана¹⁶.

¹¹ «La seconde auctorite est salesberiensis sacre theologie eximii doctoris in suo policratico (...) sic dicentis. Amico adulari non licet sed aures tyranni mulcere licitum est. Si namque scilicet tyranno licet adulari quem licet occidere. C'est a dire en francois. Il n'est licite a nul de flater so ami mais est licite de adoucir les oreilles du tyran et endormir par belles paroles. Car puis qu'il est licite de occire le dit tyran il est licite de lui blandir par paroles et par signes» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 35). Здесь и далее разрядка моя.

О теории тираноубийства у Иоанна Солсберийского см. прежде всего: [Гладков 2008], а также литературу, приведенную в этой статье.

¹² Здесь в подтверждение своих слов Жан Пти вставлял в «Оправдание» рифмованные строки: «Dame convoitise est de tous maux la racyne / Plus qu'on est en ses las et on tient la doctrine / Apostas elle a fait aucuns tant l'ont amee / Les aultres desloiaux bien est chose dampnee» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 10).

¹³ «C'est assavoir que dame convoitise a fait plusieurs estre apostas renoyer la foy catholique, ydolatrer et aouer les ydoles» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 14v).

¹⁴ «Tout subiect et vassal qui par convoitise, barat, sortileges et malengin machine contre le salut corporel de son roy (...) pour lui tollir et soustraire sa tresnoble et treshaulte seigneurie peche (...) commet si horrible crime de lese maieste» (BNF. Ms. fr. 5733: 31); «...il y doit avoir gregneur punicion ordonnee pour obvier aux perilz qui en peuvent advenir pour les refraindre de la temptacion de l'enemy d'enfer et de convoitise» (Ibid. Fol. 33v).

¹⁵ «Non enim in sola immunditia vel gula consistunt opera carnis (...) ut sunt fornicatio, immunditia, avaritia, impudicitia, luxuria, idolorum servitus, veneficia, inimicitiae, contentiones, emulationes, irae, rixae, dissensiones, hereses, sectae, invidiae, homicidia, ebrietates, commensationes, et similia, quae qui committunt, regnum Dei non possidebunt» [Ioannis Saresberiensis 1909 (2): 210].

¹⁶ «Ad parricidii facinus in fratrem patriarchas excitavit invidia, ut nec impune revelare licuerit gratiam quam Spiritus innocenti monstrabat in sompnis» [Ioannis Saresberiensis 1909 (2): 213]. В данном случае Иоанн отсылал к истории Иосифа и его братьев, позавидовавших его снам о будущей власти и пожелавших ее отобрать (Быт 37:5–8).

По мнению Жана Пти, Людовик Орлеанский испытывал непреодолимую тягу к темным искусствам. Он обучался им у знатоков магии, которые заполнили его двор, и у собственной жены¹⁷, пытаясь с их помощью извести Карла VI и его наследников и используя для этой цели «заговоры, зелья, кольца, мечи, кинжалы, посвященные дьяволу»¹⁸ и даже «отравленные яблоки»¹⁹. Как в «Поликратике», так и в «Оправдании» подробно, с многочисленными примерами из библейской и древней истории рассматривалась связь между засильем куртизанок при дворе правителя и его склонностью к колдовству, что неминуемо вело жителей любой страны к гибели²⁰. Жан Пти сообщал в частности, что некий монах-колдун изготовил для герцога Орлеанского заговоренный жезл, коснувшись которым любой женщины, можно было вызвать ее любовь²¹. Вооружившись этим магическим атрибутом, Людовик якобы все ночи напролет проводил с блудницами²².

Что же касается познаний самого герцога в различных видах колдовства, то о них сообщал не только текст «Оправдания». Та же идея подчеркивалась в дошедших до нас парадных копиях трактата при помощи миниатюры, расположенной в начале обеих рукописей. На ней в аллегорической форме была изображена последняя схватка Жана Бесстрашного и Людовика Орлеанского: на волка, пытающегося стащить корону с французской лилии, напал лев, наносящий ему смертельный удар лапой (ил. 1, 2)²³. Сцена сопровождалась соответствующим четверостишием (BNF. Ms. fr. 5733: 2v):

¹⁷ Связь обвинений, выдвинутых Жаном Пти в адрес герцога Орлеанского, со слухами, которые в 1390-е годы распространялись по Парижу о Валентине Висконти, была рассмотрена мною в [Тогоева 2022].

¹⁸ «...pour le faire mourir (...) par convoitise d'avoir la couronne et seigneurie fait consacrer ou (...) exsecrer espees, dagues, badelaires ou couteaux, verges d'or ou agneaux dedyer ou nom des dyables par nygromanciens faisans invocacions, caracteres, sorceries, charoys, supersticions et malefices» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 49v–50).

¹⁹ «...qui par convoitise de venir a la couronne et segneurie dun Royaulme machine a faire empoysonner par pommes empoysonnees et venimeuses ou aultrement le Roy dudit Royaulme et ses enfans» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 55).

²⁰ См., к примеру, историю некоего «герцога Замбии», полюбившего язычницу-моавитку и заставившего своих подданных поклоняться ее идолам: «...le quel fu si espris de convoitise de delectacion charnelle de l'amour d'une dame payenne (...) elle ne se vouloit acorder a faire sa volente si ne adouroit ses ydoles. Il adoura lesdictes ydoles et les fist adourer a plusieurs de ses subiects» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 19v). О связи между сексуальной распущенностью и занятиями колдовством при дворе владетельного сеньора, на которой настаивал Иоанн Солсберийский, см. подробнее: [Тогоева 2020].

²¹ «Item ledit crimineux duc d'orleans fist faire ung aultre sortilege par le dit moyne d'une verge du boys (...) le quel sortilege parfait ladicta verge devoit avoir telle vertu par ars et paccion dyabolique que celui qui la porteroit sur soy feroit la volente de toutes les femmes» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 61–61v).

²² «Car il est vray que presque toutes les nuis il se envyroit iouait aux dez et gesoit avec les femmes dissolutes» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 64v).

²³ Бернар Гене полагал, что миниатюра — как и копии «Оправдания», в которых она присутствует, — была заказана самим Жаном Бесстрашным [Guenée 1992: 197]. Рисунок пером, в общих чертах, хотя и в зеркальном отображении повторявший данную миниатюру, присутствует еще в одном кодексе, содержащем сочинение Жана Пти. Эта рукопись также датируется 1408 годом, но выполнена она была на бумаге, а не на пергамене (Chantilly, Musée Condé. Ms. 878. Fol. 2).

Par force le leu rompt et tyre
A ses dens et gris la couronne
Et le lyon par tresgrant ire
De sa pate grant coup luy donne.

Волк с силой тянет и срывает
Своими зубами и когтями корону,
А разъяренный лев
Наносит ему лапой страшный удар²⁴.

Ил. 1. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne*. BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 2v

Fig. 1. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy*. BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 2v

Миниатюра — как и политико-правовое содержание трактата Жана Пти — не раз становилась предметом анализа специалистов, которые, впрочем, прочитывали ее всегда слишком «буквально», обращая внимание лишь на тот факт, что лев и волк являлись гербовыми фигурами двух принцев крови [Vallet de Viriville 1860; Coville 1911: 78; Guenée 1992: 197; Jollivet 2018: 96–97]. Тем не менее данное изображение имело, на мой взгляд, самое непосредственное

²⁴ Тот же текст с единственным разночтением (*le leu rompt et tyre*) воспроизводился в двух других рукописях (Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657. Fol. 1v; Chantilly, Musée Condé. Ms. 878. Fol. 1v).

отношение и ко второй важной теме, затронутой в «Оправдании», — к теме колдовства, которым якобы увлекался Людовик Орлеанский.

Ил. 2. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657. Fol. 1v

Fig. 2. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657. Fol. 1v

Правитель, превратившийся в тирана, уподоблялся самому Люциферу, как полагали Иоанн Солсберийский, а вслед за ним и Жан Пти²⁵. Что же касается Нечистого, часто принимающего облик волка, то этот образ был знаком европейцам уже в эпоху раннего Средневековья. В частности, он присутствует в трактате «О вселенной» Рабана Мавра (780–856), который, ссылаясь на Священное Писание, подчеркивал, что у волка «редко встречаются положительные черты»

²⁵ «Le tiers exemple est de st. michiel l'archange qui sans mandement ou commandement quelconques de dieu ne d'autres mais tant seulement meü d'amour naturele occist lucifer le tyrant et desloyal a dieu son Roy et souverain seigneur pour ce que le dit lucifer machinoit et usurper une partie de l'onneur et seigneurie de dieu» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 44–44v). Ср.: «Imago quaedam divinitatis est princeps et tyrannus est adversariae fortitudinis et Luciferianae pravitatis imago (...) Imago deitatis, princeps amandus venerandus est et colendus; tyrannus, pravitatis imago, plerumque etiam occidendus» [Ioannis Saresberiensis 1909 (2): 345].

и что обычно его именем называют самого Сатану²⁶. В XII–XIII вв. ни один бестиарий не обходился без уточнений подобного рода: «Волк символизирует дьявола, который с начала времен испытывает неистребимую ненависть к роду человеческому и подстерегает верных [христиан], дабы опустошить и погубить их души» [Le Bestiaire 1988: 78]²⁷. В тот же период средневековые авторы разработали концепцию так называемого бестиария дьявола, к которому, по их мнению, принадлежали как домашние (собаки, свиньи), так и дикие животные (лисы, змеи, жабы, гиены, обезьяны и, конечно, волки) [Sansy 2000; Махов 2006: 169–173].

Однако, что более интересно, Людовик Орлеанский на миниатюре из двух парадных рукописей «Оправдания» оказывался, по всей видимости, представлен в образе не просто волка, но вервольфа, т. е. оборотня. На такую трактовку миниатюры намекал и текст Жана Пти: «И носил на себе завернутые или зашитые в материю кости и шерсть волка, [животного] неблагогородного»²⁸. Данное уточнение, вне всякого сомнения, отсылало к представлениям людей раннего и развитого Средневековья о том, что оборотнем человек может стать, используя некие амулеты или зелья: именно такой образ рисовала художественная литература этого периода.

Проблема, однако, заключалась в том, что подобные выдуманные злодеи в действительности являлись вполне положительными персонажами либо, на худой конец, оказывались жертвами обмана, предательства или наложенного на них проклятия. Таких вервольфов мы встречаем, к примеру, в лэ Марии Французской «Бисклаврет» (1160–1170 гг.), в анонимном лэ «Мелион» (1190–1204 гг.), в «Императорских досугах» Гервасия Тильберийского (1209–1214 гг.), в поэме «Гийом де Палерн» (ок. 1195 г.) [Harf-Lancner 1985; Scoduto 2008: 39–126; Sergent 2014: 102–111]. Герои этих произведений обычно становились оборотнями не по своему собственному желанию [Scoduto 2008: 3–4], в отличие от главного отрицательного персонажа «Оправдания».

Образ Людовика Орлеанского, представленный в трактате, оказывался близок скорее к многочисленным описаниям вервольфов, собранным в демонологических сочинениях и материалах судебных процессов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени: здесь подобные существа всегда характеризовались как абсолютно реальные и исключительно опасные для окружающих [Scoduto 2008: 127–179]. Однако и эти тексты не могли служить источником вдохновения для Жана Пти, поскольку возникли они значительно позже «Оправдания» и отчасти продолжали традицию, заложенную художественной литературой XII–XIII вв.

Наиболее ранние упоминания оборотней в связи с ведовскими процессами относились к 30-м годам XV в. и происходили из альпийского региона, т. е. с

²⁶ «Lupus ergo raro invenitur bonam significationem habere, sed saepius contrariam. Nam aut diabolus significat, ut est illud in Evangelio: *Lupus rapit et dispergit oves* (Joan. X)» [Beati Rabani Mauri 1852: 223].

²⁷ Подробнее о дьяволе в облике волка см.: [Voisenet 1994].

²⁸ «Et avec ce porter sur soy en ung drapel liez ou cousus des ossemens des peulz du lieu deshonneste» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 49v).

территории современной Швейцарии²⁹. Уже в 1428 г. в деле Пьера Шедаля из Ланса говорилось, что на шабаш он и его подельники добирались верхом на демонах, обернувшихся волками³⁰. В 1429 г. против Агнес Ломбард из Веве было выдвинуто обвинение в том, что она помогала другим ведьмам овладеть искусством ликантропии, готовя для них специальную мазь³¹. Ту же Агнес свидетели часто видели в компании волков, однако в материалах дела не уточнялось, являлась ли она сама вервольфом³². О способности превращаться в волков в своей «Хронике» (ок. 1430 г.) писал лишь Ганс Фрюнд, который, как полагают издатели, основывался на материалах только что прошедших в Вале ведовских процессов. Информация, которую он собрал, оказывалась, правда, весьма противоречивой: автор сообщал, что сам дьявол (*bo^ose geist*, «злой дух») научил своих приспешников оборотничеству, однако они, будучи призваны к ответу, не в состоянии сказать, как происходит их превращение в волков, и полагают, что Нечистый лично этому способствует³³. Возможно, именно из-за туманности приведенных у Фрюнда сведений в последующие годы в документах, происходивших из альпийского региона, упоминалась только способность ведьм и колдунов превратить в животное другого человека [Maier 1996: 89–101; Modestin 1999: 260–262]³⁴.

Возникшие чуть позже бургундская и французская демонологические традиции в полной мере ощутили на себе влияние альпийских идей [Тогоева 2017]. Так, анонимный автор «Короткой [истории] лионских вальденсов», датирующейся 1430–1450 годами и созданной по результатам массовых гонений на членов ведовских сект в Лионе и Арпассе [Mercier 2010; 2018], сообщал, что

²⁹ Современные исследователи полагают, что именно в альпийском регионе началось систематическое преследование ведовских сект и возникли первые демонологические сочинения. Подробнее см.: [Тогоева 2017].

³⁰ «...videlicet super eo quod dicti Petrus Regis et Anthonius dixerunt quod dictus Petrus equitabat qemdam lupum ut asserebat vel alia nomine sortilegii idem Petrus Chedal» [L'imaginaire du sabbat 1999: 87, note 92].

³¹ «Item, dicit et confitetur quod quodam alio semel ipse tres, ipsa <Franza Roso>, Agnessina <Lombarda> et Minola <uxor Johannis de Furno>, erant versus Borniam seu aquam Bornie ubi ipsa inquisita et Minola, uxor Johannis de Furno, erant ad modum lupi et dicta Agnessina ad modum persone et ipsa Agnessina equitabat Minolam et faciebat bridas de ejus trettior et quod dicta Agnessina ungebat se et dictam Minolam et ipsam de quodam unguento por los soffrens sic quod quando erant ad modum animalis, velociter currebant» [L'imaginaire du sabbat 1999: 87–88, note 93].

³² «...vidit dictam Agnessinam inquisitam desubtus prope Borniam, loco dicto ex Rives, et pro tunc ipsa deponens inspexit et vidit quod ipsa inquisita sedebat inter tres lupos qui se crupibant circumcirca ipsam inquisitam et quod vox et fama est contra ipsam de talibus maleficiis» [L'imaginaire du sabbat 1999: 87, note 91].

³³ «Ouch waren iro vil under inen, die der bo^ose geist leret, dz sy ze wolffen wurden, des sÿ selber du^ochhte und nit anders wusten, wann dz sy wolff werint, und wer sy ouch dennzemâl sach, der wuste ouch nit anders, wonnt das einer oder eine ein wolff were uff die stund; und erluffen ouch schaff, leMBER und geiß, und assen die also ro^uw in eines wolffes figur, und wenne sy wolten, so wurden sy widerumb ze mo^onshen als ee» [L'imaginaire du sabbat 1999: 36].

³⁴ Из демонологических трактатов, созданных в первой половине XV в. в альпийском регионе, следует также упомянуть «Муравейник» Иоганна Нидера, писавшийся в 1431–1449 гг. В этом тексте не говорилось прямо о существовании оборотней, но присутствовало сравнение ведьм, пожирающих на шабаше собственных детей, с волками — единственными дикими зверями, имеющими такое же обыкновение: «...ymmo adversus condiciones specierum omnium bestiarum, lupina excepta tantummodo, proprie speciei infantes vorant et comedere solent» [L'imaginaire du sabbat 1999: 152].

дьявол является на встречу со своими адептами в облике самых разнообразных животных, в том числе волка³⁵. А Пьер Мамори, доктор теологии из университета Пуатье, уточнял в «Биче демонов» (1460–1462 гг.): не только сами демоны могут принимать вид животных, они научили этому искусству ведьм и колдунов, которые обращают своих жертв в диких зверей³⁶.

Только в 1580 г. в «Демонии колдунов» Жана Бодена впервые, насколько можно судить, появились первые подробные рассказы о ведьмах и колдунах, которые не просто владели искусством ликантропии, но и сами умели превращаться в волков. Знаменитый французский юрист посвятил этому вопросу отдельную главу своего труда [Bodin 1580: 94v–104], в которой описал сразу несколько процессов над вервольфами — прежде всего над Пьером Бурго и Мишелем Верденом из Безансона в 1521 г.³⁷, а также над Жилем Гарнье из Лиона, дело которого рассматривалось парламентом Доля в 1573 г.³⁸ В XVI–XVII столетиях подобных процессов во Франции состоялось немало, и большинство из них были посвящены преступлениям именно мужчин-оборотней [Le Roy Ladurie 1983: 55–68; Oats 1988; 1989]. Тем не менее эта новая тенденция в европейской демонологии также никак не объясняла, откуда в 1408 г. Жан Пти мог позаимствовать тот же самый образ колдуна-вервольфа.

Поиски ответа на этот вопрос осложняются дополнительно тем обстоятельством, что само явление оборотничества было известно европейцам еще с античности, однако у средневековых христианских писателей отношение к нему долгое время оставалось крайне скептическим [Harf-Lancner 1985: 211–215; Oates 1989: 317–318; Voisenet 1994: 66–98, 188, 194–195, 286]³⁹. Уже Тертулиан (ок. 150–220) и Амвросий Медиоланский (339–397) прямо заявляли, что душа человека не может приспособиться к телу животного, не соответствует его природе, а потому не может в него переселиться [Sconduto 2008: 15–17]. Еще более подробно тот же вопрос рассматривал Блаженный Августин: в трактате «О граде Божьем» (413–423 гг.) он пересказывал много-

³⁵ «Quandoque vero dyabolus apparet in forma et similitudine bestie alicuius, sed semper immunde, turpis et vilissime, utpote hyrci, vulpis, grosse, canis, vervecis, lupe, cati, taxi, tauri et huiusmodi» [Vauderye de Lyonois en brief 1901: 189].

³⁶ «Eo que compertum est quosdam maleficos homines multos in infirmitatibus detinere ex arte sua per pulueres circulos vel per ea simulacra (que vota appellant) vel per solam incantationem homines in bestias converti» [Mamori 1489: s. p.].

³⁷ «Les accusez estoient Pierre Burgot, et Michel Verdun, qui confesserent avoir renoncé a Dieu, et juré de servir au Diable (...). Puis apres s'estans oincts furent tourne en loups courant d'une légèreté incroyable, puis qu'ils estoient changez en hommes, et souvent rechangez en loups et couplez aux louves avec tel plaisir qu'ils avoyent accoustumé avec les femmes. Ils confesserent aussi, à sçavoir Burgot, avoir tué un jeune garçon de sept ans avec ses pattes, et dents de loup, et qu'il le vouloit manger, n'eust esté que les païsans luy donnerent la chasse» [Bodin 1580. Fol. 96v].

³⁸ «C'est à sçavoir que ledict Garnier le jour saint Michel, estant en forme de Loup garou print une jeune fille de l'aage de dix ou douze ans près le bois de la Serre, en une vigne, au vignoble de Chastenoy pres Dole un quart de lieuë, et illec l'avoit tuee, et occise, tant avec ses mains semblans pattes qu'avec ses dents, et mangé la chair des cuissees, et bras d'icelle, et en avoit porté à sa femme» [Bodin 1580. Fol. 96].

³⁹ Впрочем, античные авторы (например, Плиний Старший) также далеко не всегда верили в существование вервольфов: «...homines in lupos verti rursusque restitui sibi falsum esse confidenter existimare debemus aut credere omnia quae fabulosa tot saeculis conperimus; unde tamen ista volgo infixata sit fama in tantimi ut in maledictis versipelles habeat indicabitur» [Pliny 1947: 58].

численные античные истории, связанные с ликантропией и заимствованные у Гомера, Плиния и Апулея, но прямо заявлял, что они представляют собой чистый вымысел. Что же касается рассказов об оборотнях, которые якобы обрели эту способность благодаря колдовству, то и им знаменитый теолог призывал не верить, поскольку осуществить подобные метаморфозы под силу одному Господу, демоны же способны породить лишь иллюзии, не имеющие ничего общего с реальностью, а потому не представляющие никакой опасности для окружающих [Sconduto 2008: 17–20].

Концепция Августина оказала решающее влияние на средневековых авторов, затрагивавших в своих трудах проблему ликантропии, и прежде всего на их выкладки, касающиеся связи этого явления с занятиями колдовством. Буквально слово в слово она была повторена в каноне «*Episcopi*» (IX в.) — первом официальном церковном документе, посвященном различным магическим практикам и вере в них: как и полеты на шабаш, превращения человека в диких зверей объявлялись здесь зловердными иллюзиями⁴⁰. Текст канона практически без изменений воспроизводился затем в «*Декрете*» Бурхарда Вормского (1008–1012 гг.), где впервые особое внимание было уделено «тем, кого глупая народная молва называет вервольфами»: вера в существование подобных существ объявлялась грехом и требовала покаяния⁴¹. Наконец, в XIII в. чуть более гибкая концепция была предложена Фомой Аквинским: он полагал, что необходимо понимать разницу между телесными метаморфозами, происходящими по естественным причинам («*transmutationes corporalium rerum quae possunt fieri per aliquas virtutes naturales*»), и превращениями, чуждыми природе («*transmutationes corporalium rerum quae non possunt virtute naturae fieri*»). Тем не менее, как и все его предшественники, автор «Суммы теологии» заявлял, что все подобные трансформации осуществляются лишь по Божьему замыслу, тогда как дьявол и его демоны сбивают человека с пути истинного посредством видений и иллюзий (*Summa Theologiae* III. 114, 4).

Несмотря на столь ясно выраженный скептицизм в отношении реального превращения человека в зверя, их аллегорическое уподобление друг другу постоянно встречалось в трудах христианских авторов, начиная с самого раннего Средневековья. Как отмечала Валентина Тонеатто, сравнение с волком, заимствованное из Библии, уже в IV–V вв. широко применялось при описании членов еретических сект и лжепророков [Toneatto 2017]. Упомянувшийся выше Рабан Мавр также прибегал к подобной аналогии⁴², но особенно

⁴⁰ «*Quisquis ergo aliquid credit posse fieri, aut aliquam creaturam in melius aut in deterius immutari aut transformari in aliam speciem vel similitudinem, nisi ab ipso creatore, qui omnia fecit et per quem omnia facta sunt, procul dubio infidelis est*» [Canon Episcopi 1901: 39].

⁴¹ «*Credidisti quod quidam credere solent, ut illae quae a vulgo parcae vocantur, ipsae, vel sint, vel possint hoc facere quod creduntur; id est, dum aliquis homo nascitur, et tunc valeant illum designare ad hoc quod velint ut quodcumque ille homo voluerit, in lupum transformari possit, quod vulgaris stultitia weruvolff vocat, aut in aliam aliquam figuram? Si credidisti, quod unquam fieret aut esse possit, ut divina imago in aliam formam aut in speciem transmutari possit ab aliquo, nisi ab omnipotentem Deo, decem dies in pane et aqua debes poenitere*» [Burchardus Wortatiensis 1853: 971].

⁴² «*...aut haereticos vel dolosos homines, de quibus Dominus ait: Attendite a falsis prophetis, qui veniunt ad vos in vestimentis ovium, intrinsecus autem sunt lupi rapaces (Matth. VII). Et iterum: Videt lupum venientem, et dimittit oves, et fugit (Joan. X)*» [Beati Rabani Mauri 1852: 223].

активно использовал ее Бернард Клервоский (1190–1153) — как в письмах, направленных против Петра Абеляра и Генриха Лозаннского, так и в проповедях, порицающих катаров⁴³. Уподобление еретиков волкам в овечьих шкурах было воспринято и более поздними авторами [Vain 2017]; утвердилось оно и в средневековой иконографии [Trivellone 2009].

Как представляется, именно эта аналогия могла быть задействована Жаном Пти при создании образа Людовика Орлеанского — колдуна и адепта дьявола. Однако не менее важным, на мой взгляд, оказывалось в данном случае влияние идей Иоанна Солсберийского, труд которого советник герцога Бургундского, очевидно, внимательно изучил. Первая книга «Поликратика» начиналась с рассуждений о том, какие именно опасности таит в себе придворная жизнь и что более всего мешает управлению страной. Главной угрозой Солсбериец полагал лживую лесть, которая, подобно яду, застит взор правителя, не давая ему видеть истинное положение вещей⁴⁴. Это помутнение рассудка приводит к тому, что владетельный сеньор начинает испытывать страсть к не достойным его персоны занятиям — музыке, представлениям шутов и мимов, но прежде всего — к охоте, которую Иоанн определял как *alienum*, т. е. как явление, чуждое самой природе человека, и предупреждал своих читателей о том, что подобное времяпрепровождение ведет к превращению правителя в зверя⁴⁵.

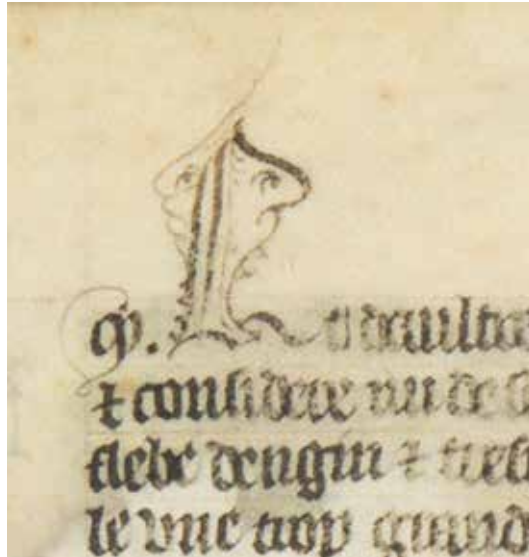
Возможно, именно этот аллегорический образ взял на вооружение Жан Пти, усилив его и превратив из абстракции в реальность. В сочетании с предшествующей литературной и теологической традицией, по-разному обыгрывавших образ волка, идея тирана — колдуна и оборотня в одном лице — обрела в «Оправдании» совершенно новое звучание. Любопытно, что и читатели трактата, насколько можно судить, прекрасно поняли замысел его автора: в парадной рукописи, хранящейся ныне в Национальной библиотеке Франции, один из них оставил на полях свои рисунки-маргиналии (ил. 3, 4, 5), представляющие собой не что иное, как изображения вервольфа — по всей видимости, одни из самых ранних в европейской истории (BNF. Ms. fr. 5733: 7v, 66, 76v)⁴⁶.

⁴³ «...lupi (...) devorabant plebem vestram sicut escam panis, sicut oves occisionis» [Sancti Bernardi 1977, № 242.1]. См. также: [Ibid., № 242.3]. Подробнее об особенностях bestiарной метафоры Бернарда Клервоского см.: [Вунум 2001; Sullivan 2011: 30–52].

⁴⁴ «Inter omnia quae viris solent obesse principibus, nichil pemiciosius esse arbitror, quam quod eis fortunae blandientis illecebra aspectum subtrahit veritatis» [Ioannis Saresberiensis 1909 (1): 18].

⁴⁵ «...ut animus multiplici lenociniorum fraude captus, quadam alienatione sui ab interiore bono deficiens per exteriora mendacia variis concupiscentiis evagetur (...) Quo specie sui clarescit amplius, eo stupentibus oculis densiorem infundit caliginem. Invalescentibus ergo tenebris veritas evanescit, et virtutum radice succisa seges germinat vitiorum, lumen rationis extinguitur, et totus homo casu miserabili fertur in praecipit. Sic rationalis creatura brutescit, sic imago creatoris quadam morum similitudine deformatur in bestiam» [Ioannis Saresberiensis 1909 (1): 18–19].

⁴⁶ Маргиналии можно датировать второй половиной XV в., и по ним становится совершенно очевидно, что их автор принадлежал к партии арманьяков, т. е. сторонников герцога Орлеанского: на fol. 78v, после заключительных строк «Оправдания», легко читается помета «Да здравствует Орлеан» (*Vive Orléans*). Не удивительно, что на двух рисунках оборотня (fol. 66, 76v) мы узнаем в нем не Людовика Орлеанского, а Жана Бесстрашного, которого выдают традиционный для него головной убор и характерный нос. Третье изображение (fol. 7v) не обладает, на мой взгляд, никаким портретным сходством.

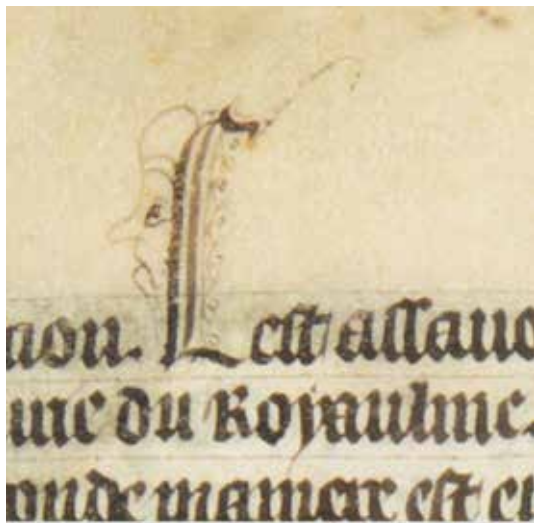
Ил. 3. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 7v

Fig. 3. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 7v

Ил. 4. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 66

Fig. 4. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 66

Ил. 5. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 76v

Fig. 5. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 76v

Таким образом, анализ содержания и иконографической программы «Оправдания» Жана Пти позволяет высказать предположение, что этот трактат положил начало совершенно новому восприятию волка-оборотня во французской, если не во всей европейской демонологической литературе. Здесь оказался представлен образ опасного вервольфа — человека, которого склонность к занятиям колдовством не просто привела в лапы дьявола, но превратила в зверя, представляющего угрозу для всей общины истинных христиан. Именно этому образу была суждена долгая жизнь в Европе Нового времени.

Источники

Архивные

BNF. Ms. fr. 5733 — Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, sur le fait de la mort du duc d'Orléans.*

Chantilly, Musée Condé. Ms. 878 — Jean Petit. *Justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.*

Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657 — Jean Petit. *Justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.*

Опубликованные

Beati Rabani Mauri 1852 — Beati Rabani Mauri *De Universo libri viginti duo* // *Patrologia latina*. Т. 111. Paris: J.-P. Migne Editorum, 1852. Col. 9–614.

- Bodin 1580 — *Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Paris: Chez Jacques du Puys, 1580.
- Burchardus Wortatiensis 1853 — *Burchardus Wortatiensis Decretorum libri viginti // Patrologia latina*. T. 140. Paris: J.-P. Migne Editorum, 1853. Col. 537–1058.
- Canon Episcopi 1901 — *Canon Episcopi // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter / Hrsg. von J. Hansen*. Bonn: C. Georgi, 1901. S. 38–39.
- Enquête de prévôt de Paris 1865 — *Enquête de prévôt de Paris sur l'assassinat de Louis, duc d'Orléans / Ed. par P. Raymond // Bibliothèque de l'École des chartes*. T. 26. 1865. P. 215–249.
- Ioannis Saresberiensis 1909 — *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici / Recognovit C. C. I. Webb*. T. 1–2. London: Oxonni, e typographeo Clarendoniano, 1909.
- Journal de Nicolas de Baye 1885 — *Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400–1417 / Publ. par A. Tuetey*. Paris: Loones, 1885.
- L'imaginaire du sabbat 1999 — *L'imaginaire du sabbat / Ed. critique des textes les plus anciens (1430 c.–1440 c.) réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz Tremp, en coll. avec C. Chêne*. Lausanne: Univ. de Lausanne, 1999.
- Le Bestiaire 1988 — *Le Bestiaire / Texte integral traduit en français moderne par M.-F. Dupuis et S. Louis. Reproduction en facsimilé du Bestiaire Ashmole 1511 de la Bodleian Library d'Oxford. Présentation et commentaires de X. Muratova et D. Poirion*. Paris: P. Lebaud, 1988.
- Mamori 1489 — *Mamoris P. Flagellum maleficorum*. Lyon: Nicolaus Philippi, [1489].
- Monstrelet 1890 — *Monstrelet E. de. La chronique D'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440 / Ed. par L. Douët-d'Arcq*. T. 1. Paris: Mme Ve J. Renouard, 1890.
- Pliny 1947 — *Pliny. Natural history / With an English trans. by H. Rackham*. Vol. 3. London: [n. e.], 1947.
- Sancti Bernardi 1977 — *Sancti Bernardi Opera / A cura di J. Leclercq, Ch. H. Talbot, H. Rochais*. T. 8. Roma: Editiones Cistercienses, 1977.
- Summa Theologiae Sancti Thomae de Aquino 1888 — *Sancti Thomae de Aquino Summa Theologiae*. Roma: Leonina, 1888.
- Vauderye de Lyonois en brief 1901 — *Vauderye de Lyonois en brief // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter / Hrsg. von J. Hansen*. Bonn: C. Georgi, 1901. S. 188–195.

Литература

- Гладков 2008 — *Гладков А. К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние»: представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Средние века*. Вып. 69 (3). 2008. С. 81–96.
- Махов 2006 — *Махов А. Е. Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря*. М.: Intrada, 2006.
- Тогоева 2017 — *Тогоева О. И. Шабаш ведьм: ранние образы и их возможные прототипы // In Umbra: Демонология как семиотическая система*. Вып. 6 / Отв. ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М.: Индрик, 2017. С. 9–42.
- Тогоева 2020 — *Тогоева О. И. Придворные соблазны: Колдовство куртизанок в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. Вып. 28. 2020. С. 49–76.
- Тогоева 2022 — *Тогоева О. И. «Черная легенда» о Валентине Висконти в политической культуре Франции на рубеже XIV–XV вв. // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2022. № 4. С. 11–31.
- Bain 2017 — *Bain E. Aux sources du discours antihérétique? Exégèse et hérésie au XIIe siècle // Aux marges de l'hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l'accusation d'hérésie au Moyen Age / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 53–83.

- Bynum 2001 — *Bynum C. W.* Monsters, medians, and marvelous mixtures: Hybrids in the spirituality of Bernard of Clairvaux // *Bynum C. W. Metamorphosis and identity.* New York: Zone, 2001. P. 113–162.
- Coville 1911 — *Coville A.* Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne par Jean Petit (8 mars 1408) // *Bibliothèque de l'École des chartes.* T. 72. 1911. P. 57–91.
- Coville 1974 — *Coville A.* Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. Genève: Slatkine, 1974.
- Gorzolla 2019 — *Gorzolla P.* Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. Münster: LIT-Verlag, 2019.
- Guenée 1992 — *Guenée B.* Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans, 23 novembre 1407. Paris: Gallimard, 1992.
- Harf-Lancner 1985 — *Harf-Lancner L.* La métamorphose illusoire: des théories chrétiennes de la métamorphose aux images médiévales du loup-garou // *Annales. Economies, sociétés, civilisations.* T. 40. № 1. 1985. P. 208–226.
- Jollivet 2018 — *Jollivet L.* La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435 // *Questes.* T. 39. 2018. P. 91–112.
- Lachaud 2014 — *Lachaud F.* Filiation and context: The Medieval afterlife of the *Policraticus* // *A companion to John of Salisbury* / Ed. by Ch. Grellard, F. Lachaud. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 375–438.
- Le Roy Ladurie 1983 — *Le Roy Ladurie E.* La Sorcière de Jasmin. Paris: Seuil, 1983.
- Maier 1996 — *Maier E.* Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477–1484). Lausanne: Université de Lausanne, 1996.
- Marchandisse 2008 — *Marchandisse A.* Milan, les Visconti, l'union de Valentine et de Louis d'Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains // *Autour de XVe siècle. Journées d'étude en l'honneur d'Alberto Varvaro* / Ed. par P. Moreno et G. Palumbo. Genève: Droz, 2008. P. 82–103.
- Mercier 2010 — *Mercier F.* La Vauderie de Lyon a-t-elle eu lieu? Un essai de recontextualisation (vers 1430–1440?) // *Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles)* / Ed. par M. Ostorero, G. Modestin, K. Utz Tresp. Florence: Edizioni del Galluzzo, 2010. P. 27–44.
- Mercier 2018 — *Mercier F.* D'une Vauderie à l'autre: les clés de la réussite ou de l'échec d'une persécution contre la sorcellerie en territoire urbain à Lyon (v. 1440) et Arras (v. 1460) // *La sorcellerie et la ville* / Ed. par A. Follain, M. Simon. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2018. P. 31–50.
- Modestin 1999 — *Modestin G.* Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460). Lausanne: Université de Lausanne, 1999.
- Oates 1988 — *Oates C.* The trial of a teenage werewolf, Bordeaux, 1603 // *Criminal Justice History.* Vol. 9. 1988. P. 1–29.
- Oates 1989 — *Oates C.* Metamorphosis and lycanthropy in Franche-Comté, 1521–1643 // *Fragments for a history of the human body* / Ed. by M. Feher. Pt. 1. New York: Zone, 1989. P. 305–363.
- Sansy 2000 — *Sansy D.* Bestiaire des juifs, bestiaire du diable // *Micrologus. Natura, scienze e società medievali.* T. 8. 2000. P. 561–579.
- Schnerb 1988 — *Schnerb B.* Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. Paris: Perrin, 1988.
- Sconduto 2008 — *Sconduto L. A.* Metamorphoses of the werewolf: A literary study from Antiquity through the Renaissance. London: McFarland, 2008.
- Sergent 2014 — *Sergent B.* L'origine celtique des Lais de Marie de France. Genève: Droz, 2014.
- Sullivan 2011 — *Sullivan K.* The inner lives of medieval inquisitors. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2011.

- Toneatto 2017 — *Toneatto V.* Aux marges de la foi, aux confins de l’humanité. Bestialité, hérésie et judaïsme de l’Antiquité au début du Moyen Age // *Aux marges de l’hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l’accusation d’hérésie au Moyen Age / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé.* Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 19–52.
- Trivellone 2009 — *Trivellone A.* L’hérétique imaginé. Hétérodoxie et iconographie dans l’Occident médiéval, de l’époque carolingienne à l’Inquisition. Turnhout: Brepols, 2009.
- Vallet de Viriville 1860 — *Vallet de Viriville A.* Dessin allégorique exécuté en 1408, et relatif au meurtre de Louis duc d’Orléans // *Le Magasin pittoresque.* T. 28. № 4. 1860. P. 135–136.
- Voisenet 1994 — *Voisenet J.* Bestiaire chrétien. L’imagerie animale des auteurs du Haut Moyen Age (V^e–XIe siècles). Toulouse: Presses universitaires du Midi, 1994.

References

- Bain, E. (2017). Aux sources du discours antihérétique? Exégèse et hérésie au XIIe siècle. In F. Mercier, & I. Rosé (Eds.). *Aux marges de l’hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l’accusation d’hérésie au Moyen Age* (pp. 53–83). Presses universitaires de Rennes. (In French).
- Bynum, C. W. (2001). Monsters, medians, and marvelous mixtures: Hybrids in the spirituality of Bernard of Clairvaux. In C. W. Bynum. *Metamorphosis and identity* (pp. 113–162). Zone.
- Coville, A. (1911). Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne par Jean Petit (8 mars 1408). *Bibliothèque de l’École des chartes*, 72, 57–91. (In French).
- Coville, A. (1974). *Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle.* Slatkine. (In French).
- Gladkov, A. K. (2008). “Ubiistvo tirana ne grekh, no blagodeianie”: predstavlenie o nepravednoi vlasti v “Polikratike” Ioanna Solsberijskogo [“The murder of a tyrant is not a sin, but a boon”: The idea of unrighteous power in John of Salisbury’s *Policraticus*]. *Srednie veka*, 69(3), 81–96. (In Russian).
- Gozzolla, P. (2019). *Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI.* LIT-Verlag. (In German).
- Guenée, B. (1992). *Un meurtre, une société. L’assassinat du duc d’Orléans, 23 novembre 1407.* Gallimard. (In French).
- Harf-Lancner, L. (1985). La métamorphose illusoire: des théories chrétiennes de la métamorphose aux images médiévales du loup-garou. *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, 40(1), 208–226. (In French).
- Jollivet, L. (2018). La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435. *Questes*, 39, 91–112. (In French).
- Lachaud, F. (2014). Filiation and context: The Medieval afterlife of the *Policraticus*. In Ch. Grellard, & F. Lachaud (Eds.). *A companion to John of Salisbury* (pp. 375–438). Brill.
- Le Roy Ladurie, E. (1983). *La Sorcière de Jasmin.* Seuil. (In French).
- Maier, E. (1996). *Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477–1484).* Université de Lausanne. (In French).
- Makhov, A. E. (2006). *Hostis antiquus: Kategorii i obrazy srednevekovoi khristianskoi demonologii: Opyt slovaria* [Hostis antiquus: Categories and images of medieval Christian demonology. An attempt at a dictionary]. Intrada. (In Russian).
- Marchandisse, A. (2008). Milan, les Visconti, l’union de Valentine et de Louis d’Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains. In P. Moreno, & G. Palumbo (Eds.). *Autour de 15th siècle. Journées d’étude en l’honneur d’Alberto Varvaro* (pp. 82–103). Droz. (In French).
- Mercier, F. (2010). La Vauderie de Lyon a-t-elle eu lieu? Un essai de recontextualisation (vers 1430–1440?). In M. Ostorero, G. Modestin, & K. Utz Tremp (Eds.). *Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles)* (pp. 27–44). Edizioni del Galluzzo. (In French).

- Mercier, F. (2018). D'une Vauderie à l'autre: les clés de la réussite ou de l'échec d'une persécution contre la sorcellerie en territoire urbain à Lyon (v. 1440) et Arras (v. 1460). In A. Follain, & M. Simon (Eds.). *La sorcellerie et la ville* (pp. 31–50). Presses universitaires de Strasbourg. (In French).
- Modestin, G. (1999). *Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460)*. Université de Lausanne. (In French).
- Oates, C. (1988). The trial of a teenage werewolf, Bordeaux, 1603. *Criminal Justice History*, 9, 1–29.
- Oates, C. (1989). Metamorphosis and Lycanthropy in Franche-Comté, 1521–1643. In M. Feher (Ed.). *Fragments for a history of the human body* (Pt. 1, pp. 305–363). Zone.
- Sansy, D. (2000). Bestiaire des juifs, bestiaire du diable. *Micrologus. Natura, scienze e società medievali*, 8, 561–579. (In French).
- Schneer, B. (1988). *Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre*. Perrin. (In French).
- Sconduto, L. A. (2008). *Metamorphoses of the werewolf: A literary study from Antiquity through the Renaissance*. McFarland.
- Sergent, B. (2014). *L'origine celtique des Lais de Marie de France*. Droz. (In French).
- Sullivan, K. (2011). *The inner lives of medieval inquisitors*. Univ. of Chicago Press.
- Togoeva, O. I. (2017). Shabash ved'm: rannie obrazy i ikh vozmozhnye prototipy [The Witches' Sabbath. Early images and their possible prototypes]. In D. I. Antonov, & O. B. Khristoforova (Eds.). *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema* (Vol. 6, pp. 9–42). Indrik. (In Russian).
- Togoeva, O. I. (2020). Pridvornnye soblazny: Koldovstvo kurtizanok v "Polikratike" Ioanna Solsberijskogo [Court temptations. The witchcraft of courtesans in the 'Policraticus' of John of Salisbury]. *Adam i Eva: Al'manakh gendernoi istorii*, 28, 49–76. (In Russian).
- Togoeva, O. I. (2022). "Chernaia legenda" o Valentine Viskonti v politicheskoi kul'ture Frantsii na rubezhe XIV–XV vv. [The "Black Legend" about Valentina Visconti in French political culture at the turn of the 14th–15th centuries]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiya*, 2002(4), 11–31. (In Russian).
- Toneatto, V. (2017). Aux marges de la foi, aux confins de l'humanité. Bestialité, hérésie et judaïsme de l'Antiquité au début du Moyen Age. In F. Mercier, & I. Rosé (Eds.). *Aux marges de l'hérésie. Inventions, formes et usages polémiques de l'accusation d'hérésie au Moyen Age* (pp. 19–52). Presses universitaires de Rennes. (In French).
- Trivellone, A. (2009). *L'hérétique imaginé. Hétérodoxie et iconographie dans l'Occident médiéval, de l'époque carolingienne à l'Inquisition*. Brepols. (In French).
- Vallet de Viriville, A. (1860). Dessin allégorique exécuté en 1408, et relatif au meurtre de Louis duc d'Orléans. *Le Magasin pittoresque*, 28(4), 135–136. (In French).
- Voisenet, J. (1994). *Bestiaire chrétien. L'imagerie animale des auteurs du Haut Moyen Age (I^e–XIe siècles)*. Presses universitaires du Midi. (In French).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Ольга Игоревна Тогоева

доктор исторических наук
главный научный сотрудник, Институт
всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 954-42-96
✉ togoeva@yandex.ru

Olga I. Togoeva

Dr. Sci. (History)
Chief Research Fellow, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel.: +7 (495) 954-42-96
✉ togoeva@yandex.ru